

«ТРОЙНОЙ УДАР»: РОССИЙСКИЙ СРЕДНИЙ КЛАСС В ОСАЖДЕННОЙ КРЕПОСТИ

АНДРЕЙ КОЛЕСНИКОВ | ФЕВРАЛЬ 2015

Низкая нефтяная конъюнктура, санкции, внутренние структурные проблемы российской экономики — лишь часть системного институционального кризиса. Российский средний класс, который уже ощущает на себе последствия кризисных явлений, тем не менее в ближайший год предпочтет выживание требованиям перемен и протестам.

ВВЕДЕНИЕ

Структурные проблемы, снижение цен на нефть и санкции/антисанкции, согласно общему мнению многих экспертов, — базовые причины нынешнего финансового, а затем и экономического кризиса в России. Экономисты окрестили это явление «triple whammy». Назовем его так и мы: «тройной удар».

Но и природа российского кризиса, и его последствия гораздо шире, чем просто причинно-следственные связи в экономической системе России. Истоки и смысл этого кризиса не сводимы к экономике. Больше того, здесь недостаточно, например, найти своего рода ключевой кризис, «кризис кризисов». Скажем, акцентировать внимание на критических проблемах в качестве управления, на которые, в частности, обращал внимание глава Сбербанка Герман Греф, выступая 14 января 2015 г. на Гайдаровском форуме в Москве. Это важный момент, но в том-то и дело, что и *управленческая разбалансированность — не причина, а следствие более серьезного институционального и ценностного кризиса в России*. И уже из него вытекают все остальные кризисы включая политиче-

ский. А Россия находится именно в политическом кризисе, несмотря на иллюзию политического штиля и консолидацию общества и элит вокруг первого лица.

Типологически этот кризис «тройного удара» — отнюдь не «созидательное разрушение». Как правило, кризисные ситуации позволяют странам переформулировать политику и двигаться вперед. В этом смысле кризис 2008—2009 гг. был для России «потерянным». Он ничему не научил государственно-капиталистические элиты, не оздоровил структуру экономики, был «залит» деньгами из резервных фондов. В общем, всё согласно формуле Рональда Рейгана: «Правительство — не решение нашей проблемы; правительство само и есть проблема».

ЭКОНОМИКА ПОСЛЕ КРЫМА

Все экономические аналитики сходятся во мнении, согласно которому ВВП России в 2015 г. упадет в пределах 3—5% (как минимум), а годовая инфляция разгонится до галопирующих значений (прогнозируемый пик во II квартале 2015 г. — 17—17,5%).

ОБ АВТОРЕ

Андрей Колесников — руководитель программы «Российская внутренняя политика и политические институты» Московского Центра Карнеги, колумнист газеты «Ведомости» и Газета.Ру, член правления Фонда Егора Гайдара.

В январе 2015 г. годовая потребительская инфляция составила 15%. За месяц темпы ее роста ускорились до 3,9% (максимальное значение с февраля 1999 г.). Цены на медикаменты и лечебное оборудование в январе выросли на 6,6%, или на 19,4% за год. Продукты питания (без учета овощей и фруктов) подорожали на 3,7%, или на 18,4% за год, плодоовощная продукция — на 22,1%, или на 40,7% за год.

«Стоимость» санкций для ВВП оценивается по-разному. Одну из оценок дает, например, Институт стратегического анализа компании «ФБК Grant Thornton» — 1,2% ВВП¹. По поводу влияния на ВВП снижения цен на нефть тоже существуют разные оценки, которые во многом зависят от методики счета и эконометрических моделей. По оценке сотрудников Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара Сергея Дробышевского и Андрея Полбина, снижение нефтяных цен до 40 долл. за баррель дает эффект на темп роста ВВП в постоянных ценах в размере -3,7% в течение года.

Есть еще одна составляющая «тройного удара» — структурные проблемы. Они среди прочего отчасти обусловлены нефтегазовой зависимостью российской экономики и стагнацией реформ в областях, напрямую связанных с человеческим капиталом, — в здравоохранении и образовании, а также с их ресурсной недостаточностью, в том числе и бюджетным недофинансированием.

На фоне убыли работоспособного населения экономисты начали отмечать и процесс декалфикации рабочей силы. Как отмечал ректор Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) Владимир Мау, «...в России по демографическим причинам безработица достаточно низкая. Однако назревает конфликт: с одной стороны, есть растущая масса пенсионеров, а с другой — молодежь, которая не готова работать на тех местах, которые освобождаются»². Судя по всему, наметились и серьезные изменения в том сегменте рынка труда, где не требуется высокая квалификация: симптоматично, что именно инфляция и слабая валюта сделали Россию непривлекательной даже для самой неприятельской рабочей силы — мигрантов.

Ситуация специфична и с той точки зрения, что существенная часть населения России работает в «ненаблюдаемой экономике» («теневом секторе»; по оценке Росстата, его доля официально составляет 12,5%³). Соответственно она не платит налогов и впоследствии лишится страховой части пенсии. По оценкам Министерства труда России, в базах

Пенсионного фонда нет 20% трудоспособного населения⁴. Число занятых в экономике России — 71 млн человек, масштабы неформального сектора (индивидуальные предприниматели и занятые у них, оказывающие платные услуги в частном порядке, занятые в крестьянских хозяйствах) составляют 22 млн человек — почти треть всех занятых в экономике⁵. Можно предположить, что в связи с падением реальных доходов, неопределенной ситуацией на рынке труда, меняющейся структурой занятости и иными кризисными факторами в «тень» уйдет еще большая часть занятого в экономике населения.

Если такая составляющая «тройного удара», как волатильность нефтяных цен, лежит вне или почти вне влияния российской экономической политики, то негативные эффекты от санкций и структурных проблем имеют отношение к принимаемым властью решениям. Больше того, они напрямую зависят от характера и содержания не только и не столько экономической политики, сколько от внутренней и внешней политики. А еще точнее, от решений того крайне узкого и все более сужающегося круга, который уже часто без кавычек называют друзьями Путина.

Характерно, что усугубление экономических проблем России началось после присоединения Крыма, и к концу года ключевые макроэкономические параметры выглядели удручающе: «Со времени присоединения Крыма темпы роста российской экономики начали сокращаться, инфляция разогналась до 11,4%, до самых значимых величин среди 10 самых крупных экономик, рубль ослаб примерно на 45% по отношению к доллару, больше, чем любая из 174 валют, отслеживаемых агентством “Блумберг”»⁶.

По оценке бывшего министра финансов Алексея Кудрина, девальвация рубля лишь на четверть объясняется падением мировых цен на нефть, на величину от 25% до 35—40% — введением санкций, на 5—10% — укреплением доллара к остальным мировым валютам. Остальные факторы связаны «с рисками, ожиданиями и страхами», в том числе с отсутствием доверия рынка к мерам правительства по улучшению инвестиционного климата и поддержке экономического роста⁷.

Собственно, любые экономические сверхчеловеческие усилия и дипломатические византийские выражения идуток прахом, стоит, например, лидеру «Донецкой республики» Александру Захарченко дать приказ своим войскам двигаться на Мариуполь. Инвестиционный климат, финансовая ста-

бильность и экономическое развитие в России в большей степени зависят от действий руководства Донецкой и Луганской «республик», от заявлений и шагов Генпрокуратуры и Следственного комитета, чем от официальной денежно-кредитной политики Центрального банка или словесных интервенций российских вице-премьеров на Давосском форуме. Этот условный «фактор Захарченко» вкуче с изоляционизмом, национализмом, антизападничеством решает если не всё, то очень многое в развитии событий.

ДЕМОКРАТИЯ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКА: НЕРЕАЛИЗОВАННЫЙ ИДЕАЛ

Для анализа природы и последствий «тройного удара» нам понадобится старое гегельянское и марксистское понятие «отчуждение» (*Entfremdung*). В значении взаимного отчуждения власти и народа. Включая неадекватное использование властью национального продукта, ренты и налогов в целях самосохранения. Ровно из-за этого сбоя в целеполагании непроизводительные бюджетные расходы на оборону, правоохранительную деятельность и управление значительно превышают производительные расходы на образование и здравоохранение.

Доминирующее положение в экономике новых олигархов, тесно связанных с государственной властью, не ограничено политическими институтами, которые транслировали бы мнение обычных граждан. Конечно, в российской политической системе принцип «налоги в обмен на представительство» никогда в полной мере не работал. Однако государственный капитализм, рентное устройство экономики, перекрытие каналов политического представительства свели действие этого принципа почти к нулю.

Рента, судя хотя бы по масштабным претензиям корпорации «Роснефть» на помощь из Фонда национального благосостояния, оценивается ближним кругом президента как личный доход и частная собственность (что логично в системе, где обладание властью означает одновременное обладание собственностью, — это так называемая власть-собственность, которая еще и сакрализована, освящена авторитетом православного официоза). Что противоречит ч. 1 ст. 9 Конституции, согласно которой «земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории», а вовсе не основа жизни и деятельности нескольких госкапиталистов (и их семей), приближенных к власти.

Отчуждена рента. Отчуждена власть: люди считают, что ни на что не могут в стране повлиять, и отдают возможность принимать решения истеблишменту в одиночку (договор эпохи высокой нефтяной конъюнктуры «свобода в обмен на колбасу», скорректированный в 2014 г., — «свобода в обмен на Крым и чувство гордости за державу»). Власть отчуждена еще и потому, что выборы даже больше, чем раньше, стали искажать принципы представительства. Это и стало причиной протестов 2011—2012 гг., когда часть среднего класса предъявила спрос на политическую демократию и честные электоральные процедуры. Причем в полном соответствии с гипотезой Сеймура Липсета, она же «гипотеза модернизации», согласно которой по мере роста уровня жизни, образования и доходов граждане начинают задумываться о необходимости демократии⁸.

В 2011 г. представители городского среднего класса в доказательство гипотезы Липсета после достижения определенного уровня личного благосостояния задумались о будущем и предъявили спрос на политическую демократию.

В 2014-м, не удовлетворив этот спрос, предпочли идеологему «Крымнаш» представительству своих интересов во власти. И по сути согласились с тем, что сочетание гибридной и торговой войн лучше для родины, чем ее присутствие, высокопарно выражаясь, в семье европейских народов.

В 2014 г. произошла архаизация государственной политики и массового сознания, идущая вразрез с мировыми трендами, свойственными современным демократическим обществам, для которых военные потери неприемлемы, а апелляции к святости чего-либо остались далеко в прошлом, в эпохах теократий⁹.

Социология, фиксируя посткрымскую консолидацию, выявляет и отсутствие изменений в ключевой установке россиян: «Мы ни на что не влияем и потому ни на что влиять не хотим». Порядка 60% населения признаются, что не могут повлиять на положение дел в стране, около половины — на то, что происходит в городе проживания (данные Левада-Центра¹⁰).

Отсюда и патерналистские установки: пусть за меня все решит государство. Эти установки коррелируют с небольшим по сравнению с нефтегазовыми, рентными ресурсами вкладом налогоплательщиков в доходы бюджета.

Алексей Кудрин так объясняет этот феномен отчуждения граждан от процесса принятия решений: «В нулевые годы

улучшение благосостояния страны происходило в значительной мере за счет ренты от использования природных ресурсов. Но рента выплачивалась не гражданами. В ВВП из 37% всех видов собираемых налогов и сборов больше трети приходилось на ренту, а на подоходный налог с физических лиц — около 3%. <...> Чиновники легко и бесконтрольно перераспределяли легкие деньги — в результате не появилось достаточных механизмов обратной связи»¹¹.

Рента отчуждена от гражданина России, но он знает, что отчасти на нее живет. Гражданин готов получать ее от государства, но в то же время у него вырабатывается тайный комплекс неполноценности по поводу того, что он не вполне заработал свое материальное благополучие. И это дает, например, перераспределительной коалиции Игоря Сечина «право» на «его» часть в сверхнормативном распределении государственных денег. Что выглядит крайне вызывающим на фоне кризиса. Зато сразу видно, кто «хозяин» в доме российской политики. («Общая сумма средств, запрашиваемых “Роснефтью” из фонда национального благосостояния (ФНБ) на ее 28 проектов, составляет 1,3 трлн руб., сообщил замминистра экономического развития Николай Подгузов. <...> “Роснефть” предлагает профинансировать из ФНБ проекты общей стоимостью свыше 3 трлн руб.»¹².) Попутно заметим, что такая ситуация провоцирует недовольство других перераспределительных коалиций условного «кооператива “Озеро”» (назовем их деятелями «озерной школы»), которые тоже полагают, что «право имеют» на кусок общего пирога и не считают себя «тварями дрожащими».

Отсюда и некоторая пассивность в восприятии населением постепенно раскрывающихся, как цветок, последствий «тройного удара». Получается, что в сложившейся рентной системе никакой демократии налогоплательщика нет и быть не может — *вклад в национальное благосостояние самих граждан по сравнению с углеводородной рентой невелик, столь же незначительно их влияние на принимаемые решения и собственно участие в политике и гражданских делах; процесс расходования средств налогоплательщиков самих налогоплательщиков мало волнует.*

А когда еще как бы общий пирог с сочащейся из него нефтью дополняется «крымомнашим», такая модель убивает и демократию обсуждения, и демократию участия, и гражданское чувство *res publica*, общего дела (Крым — это не общее дело, русский человек брал его штурмом, сидя у телевизора, это подарок от власти).

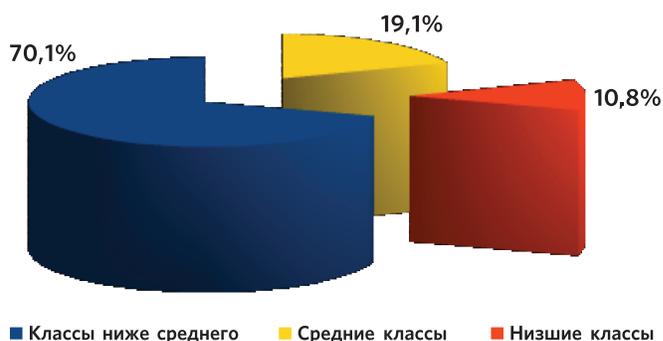

Рис. 1. Стратификационная пирамида

Сами граждане России в глубине души не чувствуют себя создателями национального дохода, а значит, дестимулированы в смысле участия в политике, которая в идеале нацелена на более рациональное, честное, справедливое перераспределение национального продукта.

Отсюда и готовность мириться с чем угодно, и неготовность протестовать. Отсюда и отсутствие стимулов к частным инициативам, к инвестициям, к инновациям, к защите частной собственности. А госинвестиции еще больше дестимулируют экономическую активность — на выходе получается не рост, а жижа под сапогами из денег, которые или провоцируют инфляцию, или бегут в страны, где инвестиционный климат в принципе есть. Они, эти госинвестиции, нужны российской экономике в той же степени, что и импортные станки советским предприятиям — когда они гнили нераспакованные под дождем в хозяйственных дворах.

КЛАССОВАЯ ПИРАМИДА

«Тройной удар» — это удар по всем доходным группам в России, но прежде всего по низко- и среднедоходным. По данным Росстата, самые востребованные продукты питания подорожали к концу 2014 г. на 30%. Что, разумеется, весьма чувствительно для бедных слоев и низшего среднего класса. Но и общий уровень взявшей в начале 2015 г. низкий старт инфляции таков, что средний класс, потребитель разнообразных услуг и товаров длительного пользования, в высокой степени пострадал. Реальные располагаемые денежные доходы населения России в декабре 2014 г. упали на 7,3% по сравнению с декабрем 2013-го. Опрос Фонда «Общественное мнение» (январь 2015 г.) показал, что 62% населения оценивают ситуацию как экономический кризис, при этом проявляется он, с точки зрения респондентов, прежде всего в «жуткой инфляции»¹³.

Руководитель Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС Татьяна Малева на основе исследований среднего класса выстраивает своего рода стратификационную пирамиду (или, если угодно, «таблетку»), которая, по ее мнению, высказанному в беседе с автором, в последние годы мало менялась и может выглядеть примерно так, как показано на рис. 1 (сконструирована на основе данных на конец 2000-х годов).

Согласно этой укрупненной стратификационной структуре (или социальной структуре российских домохозяйств) около 70% населения — это классы ниже среднего. Примерно 40% представителей классов ниже среднего находятся в группе риска бедности, 30% — потенциальные рекруты среднего класса и высшего среднего класса.

Собственно размеры среднего класса измеряются по-разному в соответствии с различными критериями. Огрубленно его численный состав оценивается примерно в 20%¹⁴. Некоторые другие исследования — в зависимости от доходных, потребительских, поведенческих, образовательных критериев — дают иные результаты. Но многокритериальный подход позволяет утверждать, что выводы Татьяны Малевой достаточно достоверны (рис. 2).

В политическом смысле *социальная и электоральная база режима* (они же адресаты бюджетной и социальной поддержки) — как раз вот эта 40%-ная группа риска бедности.

Соответственно *политика властей под «тройным ударом» будет сводиться к тому, чтобы группы риска бедности в классе ниже среднего не провалились в нищету*. Но не только и не только из соображений гуманизма, а потому, что такой провал подрывает электоральную и социальную базу нынешнего режима, дестимулирует «правильное» голоование и создает социальную напряженность. Каналы же перехода среднего класса к высшему среднему классу, и без того страдающие «тромбообразованием» ввиду высокой степени монополизированности экономики многочисленными госкапиталистами, рискуют и вовсе пересохнуть в условиях кризиса.

Социальная задача режима, таким образом, — сохранить ту классовую пирамиду, которая сложилась в эпоху высокой нефтяной конъюнктуры и восстановительного роста 2000-х годов и стала прочной основой для самосохранения системы «власть-собственность», «капитализма друзей». *Заменителем схлопывающихся материальных благ ста-*

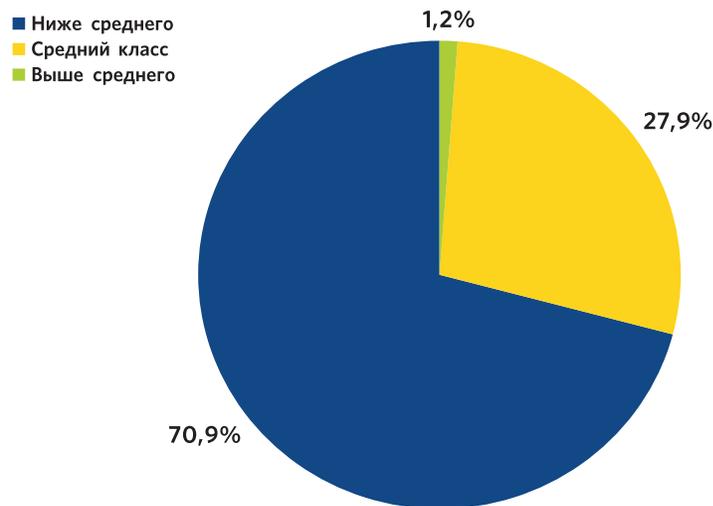

Рис. 2. Распределение населения Российской Федерации по классам на основе многокритериального подхода по данным Евробарометра в России в 2012 г.

Источник: Мисихина С. Г. Социально-экономические характеристики и ценностно-политические ориентиры среднего класса в Российской Федерации: Препринт. — М.: РАНХиГС, 2014

нут «духовные скрепы» — значит, предстоят дальнейшие огрубление и архаизация пропаганды с использованием в том числе пропагандистского арсенала православного официоза, а также все более частое избирательное применение репрессивного законодательства.

СОСЛОВНАЯ СТРУКТУРА РЕСУРСНОГО ГОСУДАРСТВА

Прямо скажем, это лишь небольшая коррекция магистральной линии поведения власти, которую профессор Высшей школы экономики Симон Кордонский описывал следующим образом: «Суверен заботится о народе — совокупности сословий, распределяя ресурсы так, чтобы привилегированные сословия не борзели, а податные не умирали с голоду»¹⁵. Здесь надо оговориться, что теория Кордонского, выросшая из теории административных рынков, сводится к тому, что он оценивает современное российское общество не как классовое, а как сословное: «Деление ресурсов составляет содержание общественной жизни в сословном обществе, в отличие от классового общества, экономика которого основана на конверсии ресурсов

в капиталы и их расширенном воспроизводстве»¹⁶. По сути дела речь идет о коммерциализации статусов, которые можно обрести, вступив в высокую должность (отсюда разговоры о покупке высоких постов, депутатских позиций и пр.), получить «в дар от суверена» (давайте посмотрим на биографии представителей ближнего круга Путина и их спецслужбистское, «цеховое», прошлое) или в наследство (высокие посты, которые занимают дети крупных чиновников и госкапиталистов из ведущих перераспределительных коалиций, и даже государственные награды, которые они получают, — см., например, казус сына Игоря Сечина, сотрудника «Роснефти» Ивана Сечина, награжденного в его 25 лет медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени «за большой вклад в развитие топливно-энергетического комплекса и многолетний добросовестный труд»). «Естественно, — пишет Симон Кордонский, — в этой системе нет необходимости в демократии как институте согласования интересов, как нет и личности вне сословной определенности»¹⁷.

Приватизация 1990-х годов была способом начать использовать (и преумножать) ресурсы в рыночной логике. «Переприватизация» 2000-х годов в пользу госкапиталистов из ближнего круга первого лица — это способ снова начать жить не в рыночной, а в сословной логике. Такая сословная структура скорее тормозит развитие среднего класса, нежели стимулирует его. Нередко средним классом — по крайней мере, по доходным показателям — можно стать, лишь работая в системе, где доминируют самые продвинутые сословия. Например, в государственных корпорациях, компаниях, живущих на госзаказах или выигрывающих государственные тендеры, и т. д.

КЛАСС-КОНФОРМИСТ: ВЫЖИВАНИЕ ВМЕСТО ПЕРЕМЕН

Как будет себя вести российский средний класс, получивший «тройной удар»? Какими будут его политическое поведение и социальное самочувствие?

Некоторые исследователи указывают на то, что средний класс в течение последних лет оставался «главным актором социально-экономической адаптации»¹⁸. Но в то же время он еще недостаточно масштабен, силен и уверен в своем благополучном будущем, чтобы четко отрефлексировать свою политическую позицию и настаивать на представительстве во власти. Для среднего класса, по замечанию экспертов-экономистов, характерна «низкая переговорная сила»¹⁹.

Еще более низкой она оказалась после провала протестов 2011—2012 гг. И обществом, и либеральными лояльными государственными элитами после ухода с президентского поста Дмитрия Медведева была потеряна мотивация для строительства политических, лоббистских, гражданских коалиций за модернизацию. Место коалиций за модернизацию заняли перераспределительные сословные коалиции.

И еще большой вопрос, стремится ли вообще средний класс, действительно склонный к адаптации, иметь эту самую «переговорную силу». Политическое поведение и политические позиции среднего класса далеки от того романтического образа, который был сформирован на улицах и площадях Москвы и в независимой прессе в период демократических иллюзий конца 2011-х — первой половины 2012-х годов.

Фрэнсис Фукуяма в своей последней книге отмечает, что практически все протесты в разных странах объединяет то, что их драйвером был средний класс²⁰. Мало того, даже легитимно избранное правительство, будучи неэффективным и/или коррумпированным и нечестным, в глазах продвинутых слоев не обладает достаточной легитимностью: «Для того, чтобы рассматриваться в качестве легитимного, правительство должно показывать лучшие результаты работы и должно быть более гибким и чувствительным к меняющимся запросам граждан»²¹.

Ровно это стало причиной протестов в основном в Москве в декабре 2011 г. и в последующие месяцы — неудовлетворенность властью, чья легитимность из-за нечестности и неэффективности де-факто уменьшалась.

Но надо понимать, что политический протест, выросший из этического неприятия бесчестности властей, был по преимуществу столичным явлением и статистически охватывал очень небольшую часть образованного городского среднего класса (иногда высшего, иногда низшего среднего класса, но среди протестовавших были и представители низкодоходных слоев). Эту социальную страту тут же назвали «креативным классом» (сокращенно и иронически — «креаклы»). С термином Ричарда Флориды, конечно, это понятие имело родственные корни, но его российское значение все-таки отличается от обозначения страт, занятых творческой работой. Речь шла о сравнительно небольшой прослойке российских граждан, прежде всего этически и политически не удовлетворенных властью и авторитарным характером управления страной. По своим установкам и целеполаганию нынешние

«креаклы» в чем-то были похожи на классическую демократическую интеллигенцию конца 1980-х годов.

Но «креативный класс», во-первых, все-таки не всегда, особенно по доходным характеристикам, совпадает со средним классом (хотя поведенчески это он и есть), и, во-вторых, его оппозиционное поведение резко контрастирует с конформизмом основной части российского среднего класса. Наша гипотеза — этот конформизм в результате «тройного удара» вопреки ожиданиям только укрепитя или не выйдет за существовавшие в последние годы параметры недовольства властью. Большинство, во всяком случае в пределах 2015 г., несмотря на отдельные протестные эксцессы, предпочтет стратегию и тактику выживания протестам и требованиям перемен.

Посмотрим на результаты обследования среднего класса в рамках Евробарометра 2012 г.²² Средний класс по результатам обследования в 2011 г. в ситуации откровенно нечестных выборов, спровоцировавших протесты, активно голосовал за партию власти — «Единую Россию». Напомним, что согласно многокритериальному подходу к среднему классу исследователи относят 27,9% населения, а к слоям выше среднего — 1,2%, ниже среднего — 70,9%. Так вот, за «Единую Россию» низшие слои отдали 38,7% голосов, средний класс — 40,1%, высший слой — 48,6%. За Владимира Путина: низшие слои — 46,1%, средний класс — 47,7%, высший слой — 56,9%.

Чем выше положение слоя, тем активнее он голосует за власть. Мотивация, разумеется, может быть разной — кто-то разбогател на восстановительном росте 2000-х годов, кто-то понижает планку и довольствуется тем, что есть. Но главное, что эта мотивация — конформистская.

Доля представителей среднего класса, участвовавших в оппозиционных митингах (2,3%), немногим выше доли протестовавших из низших слоев (1,9%). Резко выделяется своей активностью слой выше среднего — 11,7%, хотя именно эта страта чрезвычайно активна и при посещении митингов в поддержку власти — 6,7% против 1% у среднего класса.

Низкая активность среднего класса с точки зрения «выхода на площадь» — как против власти, так и за нее — свидетельствует о том, что конформизм — пассивный. Он не означает горячей и однозначной поддержки власти, скорее средний класс с ней готов смириться и не готов всерьез бороться за ее смену. (Судя по всему, активная поддержка

появилась лишь после референдума по присоединению Крыма и если и упала после начала кризиса, то ненамного.)

Согласно исследованию число удовлетворенных текущей политической обстановкой и неудовлетворенных ею примерно одинаково и равно 43—44%. Причем большинство закладывается на отсутствие перемен в политической ситуации, а сторонники революционных радикальных изменений составляют 12%.

С точки зрения доказательства гипотезы конформизма среднего класса характерны показатели его отношения к Европейскому союзу. Позиция, согласно которой следует максимально дистанцироваться от ЕС, собирает 18,2% в среднем классе и 27,8% в классе выше среднего (симптоматично, что наибольшее число сторонников интеграции с Евросоюзом наблюдалось среди представителей низшего среднего класса — 23,4%). Вполне очевидно, что сейчас эти показатели лишь ухудшились, став еще более «патриотическими».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе 1997 г. «Аномалии экономического роста» архитектор российских реформ Егор Гайдар отмечал, что объективно в либеральном рыночном развитии России заинтересованы две крупные социальные группы: «средний класс, которому нужны равные правила игры, эффективная защита частной собственности, экономически не слишком обременительное государство, и интеллигенция — те, кто связан с наукой, образованием, здравоохранением, культурой, т. е. отраслями, перераспределение средств в пользу которых объективно отражает экономические потребности страны»; соответственно от соединения ресурсов этих двух групп зависят перспективы развития России²³.

За почти два десятилетия, прошедших с момента написания этой работы Гайдара, по большому счету в социальном смысле мало что изменилось: агентами перемен рассматриваются именно представители среднего класса с отрефлексированными интересами и политической позицией. Новой же интеллигенцией можно считать «креативный класс» (был еще когда-то более точный термин: «коммерческая интеллигенция»).

Тем не менее коалиции за модернизацию, которая начала формироваться в период правления президента Дмитрия Медведева, не получилось. Сигнал сверху, «разрешающий» само существование такой коалиции, был отменен, причем

в самой жесткой форме, а политик, которому история дала шанс на «перестройку 2.0», добровольно «сдался властям».

Сама модель перемен в России устроена таким образом, что сигнал о необходимости модернизации, идущий снизу, должен быть подхвачен, «завизирован», наполнен «переговорной силой» встречным (и очень вятым) сигналом сверху. В этом случае тот самый конформизм среднего класса по отношению к официальной государственной политике способен сыграть конструктивную роль — раз начальство разрешило демократию, значит, ее надо поддержать и ею воспользоваться. Креативный же потенциал российского «миддла», будучи представленным во власти, вполне в состоянии стать двигателем либерализации экономики и демократизации политики.

Но эти созидательные силы агентов перемен могут дремать в них чрезвычайно долго — есть же аналоги так и не проявивших себя по-настоящему модернизационных коалиций и в Иране, и в Венесуэле, где тоже хватало и хватает аналогов «тройного удара», который еще не в полную силу потряс российский средний класс.

Мы все с напряженным вниманием следим за тем, когда появятся первые признаки отрезвления несостоявшихся агентов модернизации, превратившихся в агентов мобилизации. Вероятно, придется подождать. Как минимум год.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 <http://www.fbk.ru/press-center/news/sanktsii-stoyat-rossii-1-2-vvp-issledovanie-kompanii-fbk-grant-thornton/>.
- 2 <http://www.iep.ru/ru/19-12-2014-pervoe-zasedanie-diskussionnogo-kluba-akademii-ekonomicheskie-vyzovy-i-riski-2015.html>.
- 3 <http://www.novayagazeta.ru/economy/63676.html>.
- 4 http://www.vedomosti.ru/politics/news/38629941/okolo-20-naseleniya-mozhet-ostatsya-bez-strahovoj-pensii?utm_source=most_popular&utm_medium=block&utm_campaign=most_popular.
- 5 http://www.vedomosti.ru/career/news/10727081/vicepremer_golodec_38 mln_rossiyan_zanyaty_neponyatno_gde_i.
- 6 <http://www.bloomberg.com/news/2015-01-22/putin-said-to-shrink-inner-circle-as-ukraine-hawks-trump-tycoons.html>.
- 7 <http://www.iep.ru/ru/19-12-2014-pervoe-zasedanie-diskussionnogo-kluba-akademii-ekonomicheskie-vyzovy-i-riski-2015.html>.
- 8 Эта гипотеза при всей своей противоречивости, по оценкам ряда ученых, находит и эмпирическое подтверждение — см., например, работу Роберта Барро: *Barro R. J. Determinants of Economic Growth: A Cross-Country Empirical Study.* — [S. l.], 1997.
- 9 *Ховард М.* Изобретение мира. — М., 2002. — С. 99.
- 10 <http://www.levada.ru/books/potentsial-grazhdanskogo-uchastiya-v-reshenii-sotsialnykh-problem>.
- 11 *Кудрин А.* Экономика и политика в поисках баланса // Общая тетрадь: Вестн. Моск. шк. гражд. просвещения. — 2014. — № 2—3. — С. 7—8 (<http://otetrad.ru/article-763.html>).
- 12 <http://www.vedomosti.ru/companies/news/38755701/rosneft-poprosila-iz-fnb-13-trln-rublej-na-28-proektov>.
- 13 <http://fom.ru/Ekonomika/11919>.
- 14 *Малева Т. М., Овчарова А. Н.* Российские средние классы накануне и на пике экономического роста. — М., 2008. — С. 73.
- 15 *Кордонский С.* Сословная структура постсоветской России. — М., 2008. — С. 34.
- 16 Там же. — С. 28.
- 17 Там же. — С. 34.
- 18 *Малева Т. М., Аврамова Е. М., Гурвич Е. Т. и др.* Долгосрочная концепция социальной политики Российской Федерации до 2050 г.: Препринт. — М.: РАНХиГС, 2014. — С. 43.
- 19 *Аузан А., Золотов А., Ставинская А., Тамбовцев В.* Средний класс и модернизация: гипотезы о формировании экономических и социально-политических институтов в России // Стратегии социально-экономического развития России: влияние кризиса: Ч. 1. — М., 2009. — С. 264.
- 20 *Fukuyama F.* Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Globalisation of Democracy. — New York, 2014. — P. 6.
- 21 Ibid.
- 22 Данные приводятся по: *Мисихина С. Г.* Социально-экономические характеристики и ценностно-политические ориентиры среднего класса в Российской Федерации: Препринт. — М.: РАНХиГС, 2014.
- 23 *Гайдар Е. Т.* Собр. соч. в пятнадцати томах. — Т. 2. — М., 2012. — С. 546.

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

Основанный Фондом Карнеги за Международный Мир, Московский Центр Карнеги начал работу в 1994 г. Эта исследовательская организация объединяет ведущих российских экспертов с их международными коллегами и сотрудниками других центров Карнеги для изучения коренных проблем российской внутренней политики, экономики и международных отношений и является своего рода форумом свободной дискуссии по ключевым аспектам современной общественной жизни.

ФОНД КАРНЕГИ ЗА МЕЖДУНАРОДНЫЙ МИР

Основанный в 1910 г., Фонд Карнеги является ведущей негосударственной экспертно-аналитической организацией, специализирующейся на международных отношениях. Это первая действительно глобальная научно-исследовательская организация, имеющая офисы в Вашингтоне, Москве, Пекине, Бейруте и Брюсселе.

© 2015 Carnegie Endowment for International Peace. Все права защищены.

Фонд Карнеги за Международный Мир и Московский Центр Карнеги как организация не выступает с общей позицией по общественно-политическим вопросам. В публикации отражены личные взгляды автора, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

